

Леонид Григорьев: Холодной войны не будет

Президент Института энергетике и финансов — об обреченности на катаклизмы, американской трактовке интересов России и деньгах

После того как год назад Запад мысленно похоронил «Газпром», а российский экономист Леонид Григорьев чуть ли не в одиночку на своих выкладках показал, что отечественная газовая империя устоит, у президента Института энергетике и финансов нет отбоя от приглашений за океан. Лучшие менеджеры мира, нанятые концерном, удержали-таки флагманский корабль на плаву. Не утонет ли Россия сейчас? «Новая» обратилась к человеку, не лентящему все считать, чтобы понять, где у страны риски, а где — страхи.

— Леонид Маркович, почти каждый август нашу бедную страну настигают либо политические, либо экономические катаклизмы, либо одновременно. 10 лет со дня дефолта, а мы опять на пороге чего-то нехорошего. Это наш цикл такой?

— Хотелось бы защитить Октавиана Августа — это не его проклятие, он ничего не подозревал о Московии. Думаю, что некоторые события в силу политического цикла выпадают именно на август. Не помню, что там было в 88-м, а в 98-м на 15 августа (то есть на 17 — понедельник) пришлось дата очередного платежа по корпоративным займам — правительство объявило дефолт по ГКО и мораторий по этим долгам.

Нынешняя война началась во время открытия Олимпийских игр, хотя до этого провокаций было 150 — Владимир Владимирович, которого в Тбилиси рассматривали как нашего strong man, был в отъезде. Ошибка Саакашвили заключалась в том, что в Пекине премьер Путин оказался рядом с Бушем и быстро развернул все в обратную сторону.

Обреченность каждый август на катаклизмы — мышление слабого и беззащитного, который предпочел бы согласиться на этот цикл, если ему пообещают остальные спокойные дни. Нынешняя же ситуация в стране и мире

настолько подвижна, сложна и требует повышенной компетентности, что мы ни на один день не должны расслабляться.

— То есть рабочий прогноз — холодная война с Западом, падение фондовых рынков, сворачивание инвестиций, закрытие границ — все это напрасные страхи?

— Все это по отдельности можно обсуждать, но в этом нет ничего августовского.

— Какие угрозы реально стоят и чем мы на них можем ответить?

— Прежде всего по деньгам и инвестициям. Средства, которые мы сейчас имеем, они в основном лежат в кармане у государства — у нас неестественно высокая доля госсбережений. В развитой же рыночной экономике основные деньги у населения, и оно уже через финансовую систему кредитует бизнес и государство. При раннем капитализме в США (скажем, 1910 — 1915 годы) основные финансовые ресурсы были у компаний, население было относительно бедное, но у государства не было вообще ничего, просто ему ничего не надо было. Сейчас размер бюджета и государства у нас по-прежнему значительно меньше советского, но это нестрашно, пока наш ВВП растет быстрее госсектора.

Так получилось, что налоговая система и структура бизнеса у нас такова, что основные средства в распоряжение правительства поступают из нефтегазового сектора и в виде пошлин на экспорт оседают в бюджете страны. Это ненормальная доля по сравнению с населением и бизнесом. Основная проблема страны, которую мы должны решать вне зависимости от кризиса, — повторяю это, как Катон Старший про свой Карфаген, — это неправильная схема расходования ВВП. У нас последние восемь лет норма сбережений составляла более 30% ВВП. И лишь первый год 21% ВВП идет на накопления, а было вообще 16 — 18%. Получается, что нам нужно каждый год экспортировать в научном смысле 10 — 12% ВВП — это безумие. Когда страна не стоит на рельсах, а хочет модернизироваться, ей нужно ежегодно откладывать 25 — 30% в виде накоплений.

Накопления — это реальные инвестиции в экономику, а сбережения — лишь их источник. Отсюда следуют любопытные вещи. Скорее всего, при охлаждении отношений с внешним миром России следует ожидать попыток ограничить ее импорт и экспорт. Поскольку мы импортируем достаточно простые и ходовые вещи, а кое-что и умеем делать сами, это пройдет для нас почти безболезненно.

Если западные страны, как в 1970 — 1980-е, начнут ограничивать ввоз к нам технологий, ответом России, естественно, будет увеличение инвестиций в собственную науку, оборонку и закрытые институты, следовательно, будут предприняты попытки перейти на инновационный путь развития с помощью не внешних инвестиций, а дополнительных госрасходов. Было бы очень сложно, хотя весьма привычно....

Я не предвижу никаких новых проблем с экспортом наших энергоносителей, металла и древесины: пока есть рынок сбыта, их будут гарантированно покупать. Если же США и ЕС вдруг начнут применять санкции к отдельным людям, по визам, скажем, это будет противоречить всей логике событий. То, что предлагают европейские горячие головы, все равно ударит по рядовым гражданам, а не по

тому правительству, которому они якобы хотят нанести ущерб.

— Проблема быстро растущего корпоративного долга России несущественна?

— Корпоративный долг в абсолютных цифрах, конечно, большой, но относительно размера отечественного бизнеса вполне нормальный. При условии, что эти деньги правильно используются, если заняты на хорошее и дело и продуктивно расходуются. Целая дискуссия идет о том, что много внешних кредитов ушло на покупки непрофильных бизнесов, но сам российский бизнес так ставит вопрос, что деньги надо занимать внутри страны, а не вовне. Деньги же у родного государства используются, сами знаете, как — согласно английской игре слов, как нечто среднее между сундуком (коффер) и гробом (коффин).

— То есть не работают, а пропадают? А самый массовый страх нашей левой оппозиции, что Запад заморозит у себя наш Стабфонд и Россия останется без всех своих денег?

— Ну нет, этого точно не будет. Мы держим все не у государства, а в ценных бумагах, и никто не мешает нам их перераспределять от долларовых активов куда-нибудь еще — сейчас у нас в «зеленых» уже меньше 40%.

— Хотите сказать, что страх холодной войны — это просто наши комплексы?

— Это в значительной степени наши внутренние комплексы, потому что мы сами еще не знаем, как себя поведем. У нас опыт конфликта с Западом весь советский. После распада СССР мы либо вообще никак не реагировали на наносимые нам «обиды» (то, что Владимир Петрович Лукин, тогда посол в США в начале 90-х, назвал «детским проамериканизмом»). Посол США в Москве, по воспоминаниям, вообще делал что хотел, а наши робкие попытки защищать свои интересы вызывали всяческое раздражение.

Сейчас, если не брать публичные заявления госдепа США и истерику в одних и тех же СМИ, вся проза серьезных аналитиков носит совершенно другой характер — правильно ли мы, то есть они, вели себя с Россией и не загнали ли ее в угол, где она начала огрызаться.

Холодной войны точно не будет, потому что холодная война — это заморозка войны горячей, когда сверхдержавы конфликтовали между собой на периферии. Мерить градус конфликта надо не Грузией, а Афганистаном, где у нас общие интересы.

— Когда началось советское вторжение в Афганистан, Путину было 27, может, проблема в том, что нами правит последнее поколение холодной войны?

— Это правильно, но в России господствует идея, что мы выходим из конфликтов с Западом полностью на уступках. Можно долго спорить, что в наших интересах или нет, но могу точно сказать: в практическом разговоре с американцами невозможно получить простой ответ «да» на простой вопрос, есть ли у России свои интересы. Тебе отвечают, мол, скажите, какие...

— Они готовы торговаться!

— Они готовы обсуждать список, который ты им предложишь. Вдруг выясняется, что даже резкую речь Путина в Мюнхене они перечитывают только теперь. Проблема двойных стандартов совершенно очевидна.

Проблема выхода России на новый виток развития — определиться, так ли должна себя вести великая держава с ядерным оружием, постоянный член Совета Безопасности ООН, которая встает с колен?

— Может, то, что люди 70-х хотят вернуть себе империю, для них естественно?

— Это объяснение было бы слишком простым. Население не это сейчас волнует, оно психологически свыкло с нынешним положением — в обществе нет серьезной опоры ни для ренационализации, ни для реинтеграции Советского Союза как страны. Желание есть, а движущей силы для движения вспять — нет. Все хотят, чтобы не было проблем с ездой туда-сюда. Им нужны «Советы без коммунистов».

Степень приватизации экономики у нас выше, чем в Восточной Европе. Страной движут частные интересы, и в этом смысле она — абсолютно капиталистическая.

Сергей Мулин
обозреватель «Новой»

10.09.2008